

ВПЕРЕД С БОЖЬИМ ВІДЕНІЕМ

ЛЕСТЕР САМРАЛЛ
и Стивен Конн

БИБЛЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД
Санкт-Петербург
2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новую книгу можно сравнить с новым ружьем. Пока ружье не испытаешь в деле, нельзя гарантировать его точность и мощность. Это история о жизни, прожитой для Бога, и написана она с желанием благословить читателя, принести в его жизнь исцеление и твердую веру.

В тяжелый период своей жизни Иов не думал, что пишет книгу. Его история стала книгой несколько позже. Когда я сам переживал захватывающие дух приключения, я не думал о том, чтобы написать о них книгу. Единственной моей мыслью было победоносное решение задачи, к которой меня призвал Бог.

С того времени, когда мне исполнилось семнадцать, я искренне стремился жить по воле Божьей в той мере, в какой она была открыта мне. Не помню ни одного случая, чтобы я не повиновался Божьему водительству. Именно по этой причине моя жизнь была так многообразна и интересна.

Постоянным источником вдохновения для меня были три важных момента из жизни апостола Павла. Их можно найти в первой главе Послания к Римлянам.

В шестнадцатом стихе Павел говорит о том, что он «не стыдится благовествования Христова». В церкви того времени было много постыдного. Там были Анания и Сапфира, пораженные насмерть за ложь. В Коринфе была группа христиан, которые ходили в церковь только тогда, когда в город приезжал их любимый служитель. Но Павел никогда не стыдился самого *Евангелия*.

С какими бы проблемами ни сталкивались деноминации, какие бы доктрины ни создавались, нам нужно быть выше их и возвещать, что мы не стыдимся чистого и простого Евангелия Христа. Оно по-прежнему представляется силой Божьей ко спасению всякого, кто поверит в него.

Второй момент, помогавший Павлу в его героической жизни, содержится в пятнадцатом стихе той же главы. Там Павел говорит: «Я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме». Павел всегда бодрствовал и всегда был начеку. Если Бог обращался к нему вечером, то утром он уже выполнял Его повеление. Он мог сказать о себе с чистой совестью: «Я не воспротивился небесному видению». Павел был готов ко всему — плыть через моря и океаны, идти через горы и равнины или наводненную бандитами территорию. К этому стремился и я, желая всегда быть готовым к тому, к чему призовет меня Бог.

Третий важный момент заключается в словах Павла: «Я должен», которые мы находим в четырнадцатом стихе. Павел не был должником в материальном смысле. Он осознавал свой моральный и духовный долг по отношению к языческому миру, в котором властвовали демоны и который нуждался в Божьем избавлении. Он выплачивал свой долг каждый день — и никогда не прекращал свой труд.

Я тоже стремился ходить в этих трех измерениях, и я также понял, что «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же». Все, что Он делал раньше, Он делает и сегодня.

Я верю, что эта книга вызовет в вас два желания: (1) быть святым перед Господом и чистым в Его глазах и (2) безоговорочно следовать за Ним, не колеблясь выполнять все и повиноваться всему, что Он ни повелит.

В конце нашей ежедневной телепередачи я часто говорю следующее: «Когда вы питаете свою веру, ваши сомнения испытывают голод». Пусть эта книга станет богатой пищей для вашей веры.

Глава 1

Врач, тяжело дыша и медленно качая седой головой, встал. Он только что закончил осмотр моего семнадцатилетнего сорокадвухкилограммового тела. Он отвел моего отца в угол комнаты, и я с ужасом прислушивался к его холодному гортанному голосу. «Я возвращаюсь в больницу, — сказал он. — Я больше ничего не могу для него сделать. Я даже не смог измерить хотя бы слабое кровяное давление или взять немного крови, чтобы сделать анализы».

В течение шести месяцев туберкулез разъедал мои легкие. Последние несколько недель я был прикован к постели. Визиты врачей были частыми, но бесплодными. В тот вечер ранней осенью я начал задыхаться, и мое лицо посинело. Мама вызвала папу, и он приехал с работы в наш дом, выходящий окнами на бухту Святого Андрея в городе Панама, Флорида.

Я харкал кровью каждый день в течение нескольких недель. Даже ночью она текла из моего рта на подушку и простыню. Ужасный ночной пот оставлял пятна, которые смешивались с пятнами крови. Но в тот вечер мне было гораздо хуже. Несколько стаканов крови уже вытекло из моих легких во время сильнейшего приступа кашля.

Моя мать и другие родственники стояли у меня в ногах и плакали. Но их плач не заглушил для меня голос врача. Я слышал, как он говорил: «Мальчик уже практически мертв. Позовите всех, кто хотел бы с ним проститься. В течение двух часов он умрет».

Жить осталось два часа — это самое страшное, что могло случиться с мальчишкой. Мое время истекло, по сути не начавшись. Моя жизнь закончилась, прежде чем я начал жить. У меня не было времени, чтобы жить, и теперь я должен был умереть.

Я не был готов к смерти — я знал это. Ведь я даже не был готов жить. Но я двигался на финальный красный свет Господа, и дальше идти было некуда.

Доктор взял сумку, чтобы уйти, и повернулся снова к отцу. «Я заполню свидетельство о смерти Лестера вечером, а вы заберете его у меня завтра утром. После этого вы сможете пойти на кладбище и договориться о месте для могилы».

В моем испуганном, удивленном, молодом разуме запечатлелась дверь, закрывающаяся за доктором, уходящим в ночь.

Это был не первый раз, когда я оказался близок к смерти. Но она никогда не представлялась такой определенной, такой неотвратимой. Я не могу сказать, что вся моя жизнь пронеслась передо мной в тот момент, но я осознавал, что в тех прошлых случаях я был спасен чудесным образом.

Всего лишь через два или три года после моего рождения в Новом Орлеане в 1913 году меня скрутила страшная болезнь пеллагра. Доктор сказал маме, что я умру от этой болезни, которая была в то время обычной среди бедных людей белой расы на Юге. Это было задолго до того, как врачи узнали, что болезнь вызывается недоеданием и может быть предотвращена включением в рацион свежих фруктов, овощей и молока.

Мама позвала нескольких женщин из молитвенной группы церкви, которую она посещала. Они пришли в дом, чтобы помолиться за меня, и Бог ответил им чудесным образом. Позже доктор, который предрек, что я умру, не мог найти на мне ни единого пятна и не мог поверить, что перед ним тот же самый ребенок. Божье ис-

целение не оставило ни малейшего следа той губительной болезни.

В возрасте пяти или шести лет я играл на железной дороге, переводя стрелки недалеко от места, где мы жили в то время в Лоуреле, Миссисипи. Я не заметил, что отцепившийся грузовой вагон катится вниз по рельсам в моем направлении. Внезапно мой старший брат Хьюстон, который был больше меня в два раза, толкнул меня, и мы покатались вместе под откос. Тогда до огромных стальных колес вагона оставалось всего несколько сантиметров. До момента толчка мне казалось, что я один на путях, — я и не подозревал, какая опасность надвигается на меня.

Несколько лет спустя я едва не утонул. Это случилось в тихий зимний день, когда мы с двумя друзьями решили прогулять школу и пойти к пруду недалеко от Лоурела.

Зимние дожди взбурлили обычно ленивые воды ручья Талахала. Мальчишки, почувствовав свободу, стали заводить друг друга: «Давайте переплывем ручей». Холодная вода не могла остановить их, они сняли с себя школьную форму и нырнули в грязный поток. Я был самым младшим и нырнул последним. Два моих более сильных товарища поплыли к песчаной отмели. Я проплыл примерно до середины и вдруг обнаружил, что не могу бороться с бурным потоком. Он быстро стал уносить меня прочь и, когда я окончательно ослабел, накрыл меня с головой.

Передать, что произошло в следующие несколько секунд, я могу, основываясь только на том, что мне рассказали позже. Один из мальчиков, выбравшихся на песчаную отмель, сын местного священника, запаниковал. «Давай пойдем домой, нам попадет! Он утонул!»

Лэверт Холифилд, другой мальчик, возразил: «Нет, я не хочу уходить. Давай поищем его».

«Я не собираюсь его искать», — ответил сын проповедника, глядя широко открытыми глазами на бурлящую пену, которая меня поглотила. Он бросил нас и убежал.

Лэверт нырнул и прощупывал песчаное дно ручья, пока не нашел меня и отчаянными усилиями не вытащил мое тело на берег. Я не дышал, мои легкие были заполнены водой. Лэверт совсем немного знал об искусственном дыхании. Он просто перевернул меня и сильно нажимал мне на спину, пока грязь и вода не стали вытекать изо рта и я не начал дышать. Он оставался рядом со мной, пока я не пришел в себя. После этого мы вместе переплыли ручей, вернувшись к нашей одежде, и Лэверт проводил меня домой.

Вскоре после этого моя семья переехала в Мобил, Алабама, и в который раз смерть играла со мной. Это был февраль, праздник Марди-Грас (день перед началом большого поста — аналог масленицы), и мне тогда было шестнадцать. В ту ночь я надел маску и новый тяжелый темно-синий свитер и пошел носиться по улицам города с двумя другими мальчишками. Казалось, весь город сошел с ума. Мы бегали и кричали в поисках приключений на свою голову, пока они не нашли нас. Маленькое создание, похожее на девочку, хотя нельзя было быть в этом уверенным, подошло и ударило меня. Я развернулся и ударил ее кулаком, опрокинув навзничь. Следующее, что я увидел, был ее парень, который вытащил нож и попытался пырнуть меня, сделав резкий выпад. Я отпрянул, и лезвие прошло сквозь мой свитер и рубашку, распоров их сверху донизу. Девушка поднялась, и они вместе бросились бежать, не зная, зарезали они меня или нет. И еще раз зов ангела смерти не коснулся меня.

После этих случаев я понял, что со смертью у меня сложные отношения, и сейчас, когда доктор покидал наш дом, чтобы заполнить мое свидетельство о смерти, я думал, что везение окончательно покинуло меня, что конец все-таки пришел.

В тот момент Бог дал мне видение. Это было самое потрясающее и значительное событие, которое когда-либо случалось в моей жизни. Я смотрел вправо от кровати,

и там в воздухе висел гроб. Я не спал. Гроб был ярким, настоящим. Он был даже красивый: в лентах из шелка, украшенный по кругу белыми лилиями и красными розами. Гроб был чуть приоткрыт, поэтому я мог видеть, что там внутри. Он был пуст, и я заметил, что он пришелся бы мне как раз впору.

До этого со мной не происходило ничего подобного, и это видение испугало меня. В ужасе я повернулся на левый бок, пытаюсь спрятаться.

Там, слева, зависнув в воздухе рядом с моей кроватью, находилась открытая Библия. Она была такая же большая, как моя кровать, больше чем любая книга, которую я когда-либо видел. Без подсказки я понял: Библия означает, что я должен проповедовать.

Бог говорил со мной в тот момент, когда я лихорадочно перевел взгляд на гроб, а потом снова на открытую книгу. «Лестер, что из этого ты выберешь сегодня вечером?»

Это не был слышимый голос, однако он был такой же отчетливый и твердый, как и любой другой голос, который я когда-либо слышал. Бог предлагал мне выбор. Я хотел быть кем угодно, но не проповедником. Я презирал проповедников. Я даже не был христианином. В то же самое время я был охвачен ужасом при мысли о смерти. Для меня открытый гроб означал гораздо больше, чем просто могила. Он означал ад — вечные мучения. Я слышал достаточно проповедей, чтобы знать: если я умру этой ночью, то ад будет моим вечным местом обитания.

Я не был готов к смерти, я хотел жить любой ценой. Глядя прямо на Библию, я молился: «Боже, если единственный способ во всем мире для меня остаться жить — это проповедовать, я буду проповедовать». И затем, чтобы подтвердить то, что я только что сказал, я добавил: «Если Ты дашь мне жить столько, сколько я буду проповедовать, то однажды я стану самым старым человеком на планете, потому что никогда не перестану это делать».

Я был уверен в том, что говорил. Решение проповедовать было одновременно моим решением отдать мое сердце Иисусу Христу. Я сразу принял и Его призвание, и Его полное спасение. Я сделал это прямо там.

Видение исчезло. Погружаясь в состояние глубокого, сладкого сна я ощущал Божью власть над моей жизнью. Моя жизнь была захвачена высшей силой.

В ту ночь я был единственным в нашем доме, кто выспался. Пока я покоился в Его мире, Божья рука коснулась моих легких и исцелила их. Когда я открыл глаза на следующее утро, моя дорогая мама стояла около моей кровати. Она не отходила от меня целую ночь. Ее глаза были опухшими от горя и слез, но я никогда не видел их более красивыми. Приступ прошел. На моей подушке не было ни капли крови.

Мама, увидев, что я проснулся, спросила, нужно ли мне что-нибудь.

— Я голоден, — улыбнулся я. Впервые за несколько недель я был голоден.

Мама направилась в сторону кухни:

— Я принесу тебе немного виноградного сока.

— Нет, мам, — окликнул я ее. — Я напился виноградного сока на много лет вперед.

— Чего же ты хочешь, Лестер?

— А что ел отец на завтрак?

Она сказала, что он завтракал яичницей с ветчиной, свежим бисквитом и крупномолотой кукурузой с соусом.

Пока я слушал, как она рассказывает, чем завтракал мой отец, мой аппетит разыгрался, просто разбушевался, слюна наполнила рот.

— Это как раз то, что я хочу.

Мама начала плакать снова.

— Нет, нет, нет. Ты давно не ел твердой пищи, и она тебя убьет.

Я усмехнулся и пошутил:

— Хорошо, но я хочу умереть полный яичницы с ветчиной, свежим бисквитом и соусом — с крупномолотой кукурузой.

Мама горько ответила:

— Ладно. Доктор сказал, что ты умрешь в любом случае. Я дам тебе то, что ты просишь. По крайней мере твое последнее желание будет исполнено.

Она приготовила огромный горячий завтрак, который я заказал. И когда она присела с ним на мою кровать, она отвернулась и снова начала рыдать.

Я ел. О, как я ел! Я вылизал свою тарелку и попросил добавку. Мама настаивала:

— Давай подождем и посмотрим, не навредит ли тебе это. Но со мной все было нормально.

Я объяснил:

— Мама, у меня было видение.

Я рассказал ей о гробе и огромной открытой книге, посмотрел ей в лицо и сказал:

— Мама, я собираюсь стать проповедником.

Моя маленькая, громко плачущая мама была переполнена радостью. Все ее молитвы в течение семнадцати лет внезапно получили ответ. Она начала благодарить Господа. И она имела на это право.

— О Господи, я благодарю Тебя, я благодарю Тебя. Я знала, что Ты сделаешь это.

Она подняла руки в благодарности и молилась, ее сердце было переполнено радостью. Мама была счастлива, что я был исцелен от туберкулеза. Но она была гораздо более взволнована тем, что ее любимый «блудный сын» вернулся «домой».

Мама молилась за меня столько, сколько я себя помню. Во время семейных молитв она просила: «Господи, пожалуйста, сделай Лестера проповедником».

Потом я сказал ей: «Мама, пожалуйста, не молись так».

Два моих старших брата, Хьюстон и Эрнест, уже были служителями, они были пасторами.

Мама выросла в методистской семье, и, еще будучи маленькой девочкой, она услышала призыв Господа стать миссионеркой в Китае. Она до сих пор огорчена тем, что последовала совету своего пастора, который сказал ей: «Женщинам не место на миссионерском поле». Он посоветовал ей стать бизнес-секретарем, что она и сделала.

Позже мама получила крещение Святым Духом. Хотя папа в то время еще не принял Христа, она постоянно водила нас, своих семерых детей, в Церковь полного Евангелия и воскресную школу.

Анна, моя старшая сестра, тоже однажды почувствовала внезапный призыв от Господа стать миссионеркой в Китае, но отказалась от своего призвания и вышла замуж за грешника. Она умерла в молодом возрасте.

Я был предпоследним ребенком в семье, самой младшей была Леона. Только мы с ней оставались с родителями. Из всех детей я был самой большой головной болью для моей матери. Я был непослушным бунтовщиком и имел горячий, взрывной характер. Когда мама огорчалась, она даже грозилась отдать меня в специальную школьную группу для провинившихся детей, которая уходит домой позже, чем все остальные. Но она любила меня больше других детей и молилась обо мне больше, чем об остальных.

Несколько раз я возвращался домой в два часа ночи после шумной вечеринки и спотыкался о ноги матери, когда пробирался к своей постели в темноте.

— Что ты делаешь в моей комнате? — спрашивал я.

— Я молюсь за тебя, Лестер, — отвечала мама, уходя вниз, в гостиную, чтобы продолжить свои молитвы.

Я плохо спал в те ночи. Даже тогда в моем сердце я понимал, что у Бога есть более интересный план для моей жизни, чем у меня самого.

После моего исцеления силы быстро вернулись ко мне. У меня был свежий воздух и солнце в избытке, они вливались во все двадцать четыре окна, которые составляли стены моей комнаты, смотрящей на бухту Святого Андрея

и Мексиканский залив. Но только свежего воздуха и солнечного света было недостаточно для моего исцеления. Необходимо было прикосновение Бога.

В течение трех дней я гулял по дому и ел все, что мама готовила для меня. Через десять дней я сидел в лодке на заливе и рыбачил со своим другом. Жизнь быстро возвращалась в свою колею.

Это было утром, всего через две недели после того видения и исцеления, когда я молился в своей комнате и Бог проговорил ко мне во второй раз. «Ты обещал мне, что будешь проповедовать, если Я тебя исцелю. — Его голос потряс меня. — Чего ты ждешь?»

Вдруг почувствовав, что я должен действовать немедленно, я бросился вниз, где завтракал отец, и объявил:

— Папа, я собираюсь пойти проповедовать. Я уйду сегодня.

Папа был очень расстроен. Он осыпал меня ругательствами, чего никогда раньше не делал. Он громко сопел, кричал и угрожал.

— Никуда ты не пойдешь. Ты еще слаб для таких вещей. Куда ты пойдешь, ты же не знаешь, что говорить.

Мой отец не был христианином. О его низком мнении о проповедниках вообще можно было судить по его словам: «Я не хочу, чтобы все мои сыновья были побирuşками. Все проповедники только и делают, что выпрашивают себе на жизнь».

Он ударил по столу и разразился проклятиями:

— Я хочу, чтобы у тебя была настоящая работа. Для чего, ты думаешь, я потратил кучу денег, чтобы научить тебя делать что-то своими руками?

— Нет, папа. Я должен идти и проповедовать.

— Ты никуда не пойдешь.

— Но Бог сказал, что я должен проповедовать.

— Бог — это ничто.

Мой стодвухкилограммовый ирландский папа вскочил со своего кресла в ярости. Я затрясся, как осиновый лист,

и просто стоял там, всхлипывая и утирая сопли. Я был совершенно подавлен.

В конце концов я повернулся и побежал вверх по лестнице в свою комнату. Последние его слова, которые я услышал: «Ты умрешь с голоду, если уедешь».

В своем убежище, в спальне, я упал на пол и закричал: — Мой небесный Отец говорит «иди», а мой земной отец говорит «нет». Что мне делать, Господи?

Сквозь слезы я услышал, как Бог проговорил мне: «Исаия 41:10,11». Я никогда не читал этих стихов раньше и даже понятия не имел, о чем они. Но этот спокойный, тихий голос был таким ясным, что я раскрыл свою Библию прямо на полу и начал читать.

«Не бойся, ибо Я с тобою...»

Во время чтения этого обетования что-то внезапно изменилось во мне. Божья любовь переполнила меня. Он протянул руку и убрал страх прочь из моей души. Теперь я плакал и смеялся одновременно. Прошло около часа, прежде чем я пришел в себя и смог снова читать:

«...не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей.

Вот, в стыде и посрамлении останутся все раздраженные против тебя, будут как ничто и погибнут препирающиеся с тобою».

— Отлично, Боже, — сказал я вслух, — если Ты пойдешь со мной, то я готов идти.

Я пошел в кладовку и достал маленькую сорокадевятисотенную коричневую сумку. У меня не заняло много времени заполнить ее всеми вещами, которые у меня были. Отец уже ушел на работу, когда я двинулся снова вниз по лестнице с сумкой в руке.

— Ты куда собрался? — поинтересовалась моя мама.

— Проповедовать.

— Но, сынок, куда ты пойдешь проповедовать? Тебя же никто не приглашал.

— Я не знаю, куда я иду, мама, но я должен идти.

Я поцеловал ее на прощание и пошел прочь, к выходу. Я покинул свой дом навсегда.

Мой сверстник и друг, владелец старого драндулета, стоял перед домом. Сегодня я уже не могу вспомнить его имени. Я сказал ему о своем намерении, и он вызвался поехать со мной. Почему бы нет? Ему все равно нечего было делать. Вместе мы медленно поехали, дребезжа, вверх по улице. Я понятия не имел, куда мы едем, но я был движим необъяснимой силой Божьего предназначения. Я должен был быть послушным небесному видению. И я знал, что я был не один.

Глава 2

Мы с другом направились в его старой машине на север. Я был слишком наивным, чтобы понимать, что только что обращенный, семнадцатилетний паренек не мог просто пойти и проповедовать без всякой подготовки и без церкви, которая бы его поддерживала.

Мы провозились с нашей старой развалюхой всю дорогу, останавливаясь каждые пять миль, чтобы залить радиатор водой. Мы уже сильно проголодались, когда во время одной из остановок увидели хурму. Дерево стояло около самой дороги, склонившись до земли под тяжестью своих ярких оранжевых плодов. Мы отрясли всю эту щедрость, сели под деревом и наелись досыта. Наша вера и наш дух были очень крепки в тот момент. Мы представляли, что, должно быть, чувствовал Илия после того, как был накормлен воронами около ручья Хорафа.

Мы отъехали не более сорока или пятидесяти миль от города Панама, когда заметили прячущуюся среди хлопка маленькую белую школу всего с одной комнатой. Что-то внутри меня сказало: «Это правильное место». Мы остановились, чтобы выяснить на ближайшей ферме, кто хозяин этого школьного здания. Мы нашли фермера, у которого были ключи, и я заявил вежливым, но властным голосом: «Сэр, мы хотим проповедовать в этой школе».

Я, должно быть, не сильно походил на проповедника, особенно в глазах этого старого фермера: сорок два килограмма, одетые в городской наряд. Фермер сначала посмотрел на мое цыплячье телосложение, потом на мои

чистые, ухоженные ногти и скользнул взглядом по моим выглаженным белым штанам. Я не мог точно определить, что выражало его лицо в тот момент — удивление или замешательство. Скорее всего, и то и другое.

Я подумал, что должен дать ему более подробное объяснение.

— Я болел туберкулезом, и если я не буду проповедовать, то умру. Бог меня исцелил, чтобы я проповедовал.

Он все еще смотрел на меня, забавляясь, поэтому я добавил с угрозой:

— Если вы не разрешите мне проповедовать в этой школе, я умру, а виноваты будете вы.

От этого заявления челюсть бедного фермера отвисла, и табачная жвачка потекла изо рта на подбородок.

— Ладно, сынок, — протянул он, моргая, — я не хочу, чтоб ты умер.

— Тогда дайте нам помещение, — я не видел никакого юмора в этой ситуации.

Он покопался в карманах и достал старый ключ от школьной двери. Мы сказали ему спасибо, потом, замирая, поблагодарили Господа и пошли в школу.

Уходя, я обернулся и спросил:

— Не могли бы вы одолжить нам еще и фонарь?

Он дал нам фонарь. В тот вечер в маленькой сельской школе началась евангелизация. Я был евангелистом, а мой друг — лидером прославления.

Получив ключи, мы стали ходить туда-сюда по дороге и говорить всем встречным о предстоящем собрании. В первый вечер пришли восемь фермеров. Но потом весть о евангелизации распространилась по всей округе, и толпа прихожан росла день ото дня.

В первый вечер один из фермеров предложил нам остановиться у него. После одного-двух дней моего постоя он довольно грубо встретил меня утром, когда я пришел к столу на завтрак: «Сынок, в моем доме кто не работает, тот не ест».

Я думал, что я работаю, проповедуя каждый вечер и готовясь к службе в течение дня. Фермер смотрел на это по-другому. Он вручил мне два больших помойных ведра и приказал: «Давай, бери эти ведра и покорми свиней».

Я не привык к такого рода работе, но учился я быстро. От дома до свинарника было несколько сот метров. Пока я нес тяжелые ведра, ужасно пахнущие помой пропитали мою одежду, ботинки и мою гордость.

Через некоторое время я добрался до свинарника. Я был расстроен и зол на весь мир. Я даже не знал, как подзывают свиней. Я просто крикнул: «Идите сюда и ешьте». Они подошли. И пока свиньи хрюкали и поедали помой, слезы потекли потоком из моих глаз: «О Боже, я только *предполагал*, что я блудный сын, но теперь я *точно знаю*, что это так».

Поставив пустые ведра в грязь за свинарником, я пошел на поле неподалеку. Там, посреди рядов колосьев, опустившись на колени, я взмолился: «Пожалуйста, Господь, дай мне вернуться домой. Или дай мне умереть прямо здесь. Все что угодно, Господи, только не это».

Я не так представлял себе работу. Я работал с двенадцати лет и делал много интересного. Мои родители хотели и могли обеспечивать меня, но зарабатывание денег было тем занятием, которое всегда радовало меня.

По собственной инициативе я однажды пошел на местный оптовый склад и купил несколько стофунтовых мешков с арахисом. Я решил отвезти их домой, поджарить, расфасовать в пакетики и продать рабочим с лесопилки неподалеку от нашего дома.

Летом я смастерил вагончик из обрезков досок и покрыл его тентом. Я закупил у оптового продавца блок мороженого, несколько видов сиропа, ложечки и бумажные стаканчики и окунулся в «мороженный» бизнес.

Я догадался нанять мальчика за пятьдесят центов в день. И пока я шел сзади, продавая мороженое и собирая выручку, он должен был тащить тележку. Продавая

мороженое по пять центов за шарик, я обычно имел четыре-пять долларов в день. В те далекие времена, когда доллар был долларом, это были большие деньги для мальчишки, да и для любого взрослого.

В шестнадцать лет я бросил школу и поступил в колледж Мобил Бьюти и Барбер. Я так усердно старался получить профессию парикмахера, что всего через шесть или восемь недель получил свое первое кресло. Когда мы переехали в Панаму, я устроился обслуживать лучшее кресло в главном магазине в центре города. Там я работал, пока туберкулез не прервал мою карьеру. Я любил работать, и у меня была страсть делать деньги.

Но работа проповедника не могла меня прокормить. Пожертвования были мизерными. Я проповедовал буквально за гроши. Как-то я собрал за целую неделю всего тридцать центов: двадцать пять одноцентовых монет и одну пятицентовую. Но даже тогда некоторые люди считали, что мне переплачивают. «Евангелие должно быть бесплатным», — говорили они. Даже в неудачные дни я мог за один день заработать больше, продавая мороженое, чем за целый месяц, проповедуя. И теперь я докатился до того, что в качестве платы за угол и стол должен был кормить свиней.

Положение ухудшалось тем, что я никогда не хотел быть проповедником. Я с детства приучился презирать миссионеров.

Во времена моего детства евангелисты не знали о существовании отелей. Когда странствующий миссионер приезжал в церковь, он всегда останавливался «у святых». И в нашей церкви это обычно означало, что он остановится у Самраллов. Это было нашей счастливой звездой — жить около церкви.

Евангелизации в те дни были просто «долгими собраниями», серии которых продолжались три или четыре месяца. Большинство евангелистов, которые у нас останавливались, производили впечатление грубых, неотесанных,

необразованных людей. Хуже всего было то, что, когда они останавливались в нашем доме, я лишался своей кровати. Я должен был спать на подстилке, на паре стеганых одеял, расстеленных на деревянном полу. Маленьким мальчиком я иногда засыпал на жесткой церковной скамейке, когда собрания продолжались до 11 часов вечера. Потом меня будили или просто относили домой, чтобы на остаток ночи положить на жесткую подстилку. Все было нормально день-два, но через несколько недель я начинал расстраиваться. Более всего меня огорчал евангелист, спящий на моей кровати.

Кроме того, евангелист лишал меня места за обеденным столом рядом с моим отцом. Пока шла евангелизация, я должен был есть за «вторым столом», после взрослых, и доедать то, что осталось. И еще одно воспоминание о тех стародавних проповедниках — они ели за троих. Я каждый раз сильно опасался, хватит ли для меня еды.

Я мстил им, шаря по карманам проповедников, копался в их машинах, чтобы те не заводились, и бил лампочки в их евангелизационных палатках. Однажды я почувствовал, что сыт всем этим по горло. Тогда у нас остановился евангелист с очень большой семьей. Как-то раз я схватил его ребенка, который был примерно моего возраста, и вылил целую банку меда на его волосы. Потом я вытер пол этой сладкой копной волос, приговаривая: «А теперь иди к своему папе и скажи, что я хочу, чтоб он убрался из этого города, да побыстрее».

Вместо того чтобы немедленно покинуть город, евангелист призвал всех поститься и молиться за спасение бедного Лестера.

Всего за несколько недель до того самого утра, когда я молился, лежа на поле, я ненавидел проповедников. Теперь я был одним из них. И я не был уверен, что не ненавижу себя тоже.

Однако во время молитвы я почувствовал уверенность, что делаю работу, которую Господь назначил мне. Я слы-

шал его тихий, спокойный голос в своем сердце: «Если ты будешь терпеливым, Я сделаю много чудесных вещей для тебя». Я поднялся с земли, укрепленный решимостью проповедовать любой ценой.

Я понятия не имел, как готовиться к проповедям. Первые несколько вечеров я просто рассказывал о своем видении и исцелении. Люди устали слушать одно и то же, поэтому я начал рассказывать истории из Библии, которые запомнил, посещая воскресную школу. Я рассказывал истории о Давиде, блудном сыне и прочие. Я читал Библию целый день и потом, вечером, я просто вставал и пересказывал прочитанное. Я рос духовно день ото дня.

Вскоре я изобрел способ иллюстрировать свои проповеди с помощью переодетых прихожан, изображающих библейских персонажей. После этого количество приходящих на проповеди увеличилось.

На самом деле нам никогда не приходилось заботиться, будет ли достаточно народа на служениях. Люди были всегда. В те времена у проповедников было мало конкурентов: ни телевизора, ни парков развлечений — ничего такого еще не существовало. Евангелизационные собрания часто были единственным способом развлечься, который бедные жители деревни могли себе позволить.

Библейские пророчества были одними из наиболее популярных евангелизационных тем в те тяжелые дни. Коммунизм только что победил в России, а президент Рузвельт недавно прошел инаугурацию на пост руководителя Национального Комитета Возрождения. Люди жаждали услышать о том или ином событии в свете библейских пророчеств. Я начал штудировать газеты параллельно с Библией и провозглашать весть о конце света.

Та первая евангелизация в здании школы продолжалась примерно шесть недель. Когда она кончилась, мы отвели восемьдесят семь взрослых прихожан к ручью и там их крестили погружением в воду. Не зная, что делать дальше с новообращенными, я просто покинул их. Они

продолжали проводить собрания, поэтому я считал, что мои усилия основать церковь увенчались успехом.

После одной евангелизации я шел двадцать или тридцать миль, чтобы провести следующую, потом еще одну и так далее. Ко мне стали приходить приглашения проповедовать в церквях и школах. От одной сельской общины до другой я проложил путь через Миссисипи в Теннесси и Арканзас.

Молодой человек, с которым мы вместе начинали евангелизацию, женился на милой молодой девушке и осел в деревне. С тех пор я его не видел. Через год ко мне присоединилась моя сестра Леона. Она здорово помогла мне, играя на гитаре и исполняя песни.

Бог чудесным образом благословил нас в работе, и куда бы мы ни приходили, вся округа хотела услышать нас. После одной евангелизации два миссионера решили поехать в Африку. Много молодых людей почувствовали призвание благовествовать.

Было одно обстоятельство, которое сильно беспокоило меня в течение первых месяцев моего служения. Я не принял крещение Святым Духом. Я хорошо знал Библию, но не был знаком с благодатью. Первыми словами, которые я помню, были слова иных языков, которыми молилась моя мать. Живя рядом с верующими полного Евангелия всю свою жизнь, я думал, что крещение Святым Духом не является проблемой. Но со мной все было не так просто.

Иногда я выходил и проповедовал о Святом Духе, основываясь не на собственном опыте, а на Деяниях Апостолов. Я говорил другим, что они должны искать Его присутствия. Многие из них верили моим проповедям и получали крещение Святым Духом. Конечно, это вызывало некоторые противоречия. Одни из них заявляли: «Он не может проповедовать о Святом Духе. Он сам Его не имеет». Другие кивали: «Вот человек, который проповедует одно, а живет по-другому». Они были правы. Мой изъян был очевиден, и это вызывало критику окружающих.

В течение нескольких месяцев я отчаянно искал Духа Святого. Часто после служения я сам был готов выбежать к алтарю для принятия Духа. Это была бы самая сумасшедшая вещь, которую вы когда-либо видели. Я сомневаюсь, допустил ли бы какой-нибудь пастор подобный цирк в своей церкви.

После того как другие получали Духа Святого, я пытался подвести их к тому, что было нужно мне самому: помолиться о проповеднике. Они возлагали свои руки на меня и просили повторять: Аллилуйя или Слава, Слава, Слава!

В душе я бунтовал против этого метода. Я не хотел, чтобы Святой Дух сходил на меня как результат самовнушения, как результат доведения себя до состояния безумия. Я чувствовал, что это должно было произойти сверхъестественно — от Бога.

В день, когда я в конце концов принял Духа Святого, я проповедовал на переднем крыльце сельской школы недалеко от Файетвилл, Арканзас. В общине не было пастора и я остался, поселившись у фермера-немца.

Я был смущен. После проповеди в тот вечер десять человек покаяться и семеро приняли Святого Духа. Спустившись вниз, к алтарю, я пытался найти остатки помазания, но тщетно.

Я вернулся в свою комнату и свалился на кровать, испытывая к себе отвращение. Глядя вверх на потолок, я пробормотал: «Я говорю о том, чего сам не имею. Что-то со мной не так?»

Тогда Бог обратился ко мне. «Ты думал, что можешь получать все, что ты хочешь, в любой момент», — сказал Он мне. Я часто постился, чтобы получить Святого Духа. Я как-то заметил, что тот, кто постится, получает все, что захочет. Я пытался заслужить Святого Духа. Бог продолжал говорить к моему сердцу: «Так как ты не смог получить Святого Духа своим способом, Я дам его тебе в подарок».

В тот момент я даже не молился о получении Святого Духа. Я просто лежал на кровати, опустошенный и огорченный. Внезапно слава Господа пришла в ту комнату. Я не испытывал таких переживаний раньше. Мне показалось, что Дух Святой двигался от угла комнаты, пока не коснулся кровати, моих ног и не наполнил меня. Когда это произошло, я начал молиться на небесном языке, который никогда не учил. Прежде мои собственные усилия получить Святого Духа закончились полным поражением. Теперь, без всяких стараний с моей стороны, Бог наполнил меня Своей благодатью. Я лег спать, радуясь своему новому молитвенному языку.

На следующее утро я объявил людям, у которых остановился, что принял крещение Духом.

Хозяйка дома ответила: «Все уже знают». Больше добавить было нечего.

Я остался верен своему призванию проповедника — может, даже излишне ревностно. Я не брал отпуск, даже не возвращался домой. Мои друзья приезжали навестить меня. Я проповедовал без остановки, заканчивая собрание в воскресенье вечером и начиная следующее собрание в понедельник утром где-то в другом месте.

Я всегда любил соревноваться. В школе я боксировал, боролся, играл в футбол, баскетбол, бейсбол, занимался любым доступным мне видом спорта. Я играл жестко. Я играл, чтобы победить. Я наслаждался этим. Даже после нескольких лет работы проповедником я все еще получал удовольствие от спорта, если мне выдавалась возможность им заняться. Я окунулся в работу проповедника с тем же рвением.

Мой стиль проповедей в те дни, как и положено проповеднику-подростку, был полон энтузиазма. Во время проповеди я подпрыгивал, бегал и громко кричал на неверующих, чтобы они покались. Голос становился хриплым, я весь покрывался потом. В начале тридцатых Юг был беспокойным местом. Я провел беспокойную жизнь пе-

ред моим обращением и теперь проповедовал в соответствии со своим стилем жизни и с тем, чему Бог научил меня раньше.

Несмотря на мои усердие и верность, служение тяготило меня. Я проповедовал, чтобы просто выжить — чтобы не умереть от туберкулеза. Меня тяготила моя доля проповедника. Как результат, я не всегда старался быть вежливым с людьми. Часто после громогласных проповедей с кафедры я заявлял: «Вы слышали мою проповедь. Ваше спасение не касается моих личных отношений с Богом. Он велел мне только проповедовать. Спасетесь вы или нет, это ваше дело».

В один из вечеров я спросил у какой-то молодой женщины: «Вы хотите пойти на небо?» Она отрицательно покачала головой. В ярости от ее ответа я бросил ей в лицо: «Тогда вы отправитесь в ад». Я повернулся и пошел к выходу. Обернувшись через плечо, я увидел ее лежащей на полу в обмороке.

После того как другие женщины привели ее в чувство, я подошел к ней и сказал: «В прошлый раз вы выглядели лучше. Что случилось?»

Она ответила: «Мне никто никогда не говорил, что я пойду в ад, тем более проповедники».

Я сказал: «Леди, есть всего два места, где можно оказаться после смерти. Вы сказали, что не хотите быть в одном, значит, пойдете в другое». Итак, я произвел обращение в тот вечер, несмотря на свою грубость.

В течение первых восемнадцати месяцев своего служения я чувствовал себя ужасно. Я чувствовал себя как граммофон, проигрывающий послания каждый вечер без сострадания, без переживания того, о чем я говорю. Но я знал, что Бог может работать над нами и исправлять нас, наполняя Собой, пока мы не станем способны служить Ему. Я с изумлением смотрю назад и вижу, как Бог использовал мое раннее служение, несмотря на мою грубость и пессимизм.

После примерно восемнадцати месяцев вынужденного проповедования — просто чтобы не умереть — Бог чудесным образом изменил весь ход моего служения и всей моей жизни.

Это произошло в один незабываемый вечер. Бог дал мне второе видение. Это было второе и последнее видение в моей жизни.

Это случилось в маленькой церкви в деревушке в штате Теннесси. Я сидел рядом с кафедрой, за которой стоял юноша, размахивая руками и ведя общину в прославлении.

Внезапно я оказался вне церкви и людей. Я перестал слышать песню, которую они пели. Я увидел перед собой все народы мира. Люди были одеты в национальные одежды и были всех оттенков цвета: черного и коричневого, красного и белого. Я был глубоко впечатлен, какими они были красивыми, когда шли вниз по очень длинной и широкой дороге, ведущей вдаль от меня. Все выглядело очень реально. Я не понимал, что это видение, пока оно не закончилось и я не оказался опять в маленьком здании церкви.

Я никогда не видел подобных костюмов раньше, но в духе я понял, каким народам они принадлежат.

В видении Бог поднял меня, чтобы я мог увидеть все неисчислимое множество людей. Он перенес меня далеко вниз по дороге, по которой шли люди. Она заканчивалась пропастью, и ее конец возвышался над бездонным адом. Когда потрясающая бесконечная людская процессия подходила к концу дороги, люди падали в вечность. Подходя к краю, они замечали, что их ждет. Я видел их отчаянные, но тщетные попытки протолкаться назад сквозь толпу, напирающую сзади. Но огромный людской поток нес их вперед.

Бог открыл мои уши, чтобы слышать вопли погибших душ, падающих в ад. Бог подвел меня ближе. Мужчины и женщины всех национальностей ныряли в эту ужасающую пропасть, и я видел их искаженные ужасом лица. Их руки тщетно цеплялись за пустоту.

Я наблюдал за происходящим, застыв от изумления. Бог проговорил ко мне из хаоса: «Ты в ответе за тех, кто был потерян».

«Нет, только не я, Господи, — попытался защититься я. — Я не знаю этих людей. Я никогда не был ни в Японии, ни в Китае, ни в Индии. Я не виноват».

Бог ответил мне. Его голос был нежным, но твердым. «Когда Я скажу беззаконнику: „смертью умрешь!“, а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника от беззаконного пути его, чтобы он жив был, то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих».

Это была самая короткая проповедь, которую я когда-либо слышал, — и самая пугающая. Она была произнесена самим Богом. Прошло немного времени, прежде чем я нашел это место в Библии (Иез. 3:18).

«О Господи, — сказал я. — Неужели Ты думаешь, что я в ответе за африканцев, идущих в ад, хотя я никогда не был в Африке?»

Бог не оставил никаких сомнений в моем разуме. Я был потрясен: каждый христианин ответствен за благовестие о Божьей благодати и спасении тем, кто о них никогда не слышал.

Внезапно видение исчезло. Меня била дрожь. Открыв глаза, я обнаружил, что все уже ушли и свет в комнате потушен. Я подумал, что люди приняли меня за молящегося. Они просто закончили собрание и разошлись. Мне было все равно. Я чувствовал на себе тяжелое бремя, и мое сердце раскалывалось пополам. Я разрыдался, моя душа выворачивалась наизнанку. Мне и раньше приходилось плакать, но я не думал, что человек может рыдать так. Я лег на деревянный пол и провел там всю ночь в агонии перед Господом.

«О Господи, — умолял я Его, — прости меня, что я не любил самых последних и потерянных людей в этом мире».

Я заключил договор с Богом, что буду двигаться вперед, как никакой другой человек никогда не делал. Я буду бороться, как никто другой, чтобы найти потерянных и принести к ним благую весть. С той самой ночи я осознал, что весь мир является моим приходом.

Я ушел из того маленького здания в восемь часов утра. Я должен был руками поддерживать свои веки, так они опухли от плача. Я был новым человеком. В ту ночь что-то перевернулось в моей душе. Я чувствовал себя освященным, взятым Господом в удел для особенной цели.

Мои друзья заметили, что я стал проповедовать по-другому, мои слова обрели власть и вместе с тем нежность, которой в них раньше не было. Бог вложил в мое сердце сострадание и готовность помочь тем душам, которые не увядали, пока я проповедовал.

Всего через год после той незабываемой ночи (мне тогда было двадцать) я начал работу, которая потом привела меня к более чем ста народам на всех континентах Земли. Подошвы моих ботинок стучали по улицам более чем тысячи крупнейших городов мира. Я был свидетелем их нищеты, болезней и грехов. И где бы я ни был, я возвещал благословенную надежду на вечную жизнь через Иисуса Христа.

Но слава пока не являлась. Долгий и каменистый путь лежал впереди. Я не мог даже мечтать о тех приключениях веры и чудесах, которые Бог приготовил для меня. После этого божественного переживания у меня не было дороги назад. До конца моих дней я должен был двигаться вперед с этим видением.